

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Г. А. Гребенщикова

Гребенщикова Галина Александровна, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Историограф Санкт-Петербургского Морского Собрания.

E-mail: galina_gre@bk.ru

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ СО ШВЕЦИЕЙ В 1788 – 1791 ГОДАХ

В статье с привлечением архивных источников рассматривается и даётся объективная оценка относительно короткому, но чрезвычайно значимому и напряжённому периоду в русско-шведских отношениях последней трети XVIII века, в разгар противостояния Петербурга и Стокгольма на Балтике. Введённые в научное обращение документы из АВПРИ и РГАВМФ позволили выявить расклад сил держав накануне войны России со Швецией, роль Великобритании в русско-шведском противоборстве и проанализировать политическую, дипломатическую и военную обстановку на Балтийском театре военных действий.

Ключевые слова: подготовка Швеции к войне, позиция Пруссии и Англии, роль дипломатии Екатерины II, предотвращение вторжения британского флота, меры обороны на Балтике.

G. Grebenschchikova

Grebenschchikova Galina Alexandrovna, Doctor of History, Professor, Head of Laboratory of Fleet and Navigation's History of Saint-Petersburg State Marine University.

E-mail: galina_gre@bk.ru

MILITARY-POLITICAL AND DIPLOMATIC ASPECTS OF RUSSIAN-SWEDISH RELATIONS IN 1788 – 1791

In the article with archives sources are given the objective estimate of short as well as very important and intense period in Russian-Swedish relations during last third of XVIII cent., when Saint-Petersburg and Stockholm were military antagonists on Baltic Sea. Due to new documents from Russian Archives the other relations between Russia and Great Britain on the one hand and Russia and Prussia on the other hand were founded as well as Great Britain diplomacy' role in Russian-Swedish military struggle on Baltic.

Key words: Sweden preparing to war, Prussia and England' position, Catherine the Second diplomacy' role, Great Britain Navy invasion's prevention, measures for the defense on Baltic.

К концу XVIII века Российская империя оказалась в орбите двух тяжёлых войн – с Турцией на юге (1787 – 1791) и со Швецией на Балтике (1788 – 1790). Как известно, война одновременно на двух театрах военных действий зачастую ставила державу на грань катастрофы, но Россия выстояла, а благодаря блестящим победам вице-адмирала Ф.Ф. Ушакова на Чёрном море получила от противника территориальные приобретения и контрибуционные выплаты. В отличие от южного театра, на Балтике сложилась прямо противоположная обстановка, когда Главнокоманду-

ющий адмирал В.Я. Чичагов не реализовал боевого потенциала флота (только кораблей 100-пушечного ранга в его распоряжении имелось семь, а всего 20 линейных кораблей), не разгромил шведов в генеральном сражении и не доставил Отечеству решительных побед. В результате Россия не приобрела ни территорий, ни контрибуций.

Ко времени открытия кампании со Швецией империя Екатерины II в пасьянсе ведущих морских держав занимала далеко не лучшую позицию. Екатерина II готовилась заключить оборонительный союз с Францией, рассчитывая в лице короля Людовика XVI получить двойную выгоду – гаранта свободы действиям Балтийскому флоту в Средиземном море в ходе запланированной Второй экспедиции в Греческий Архипелаг и союзника на случай военного конфликта с Англией¹. Обострение отношений Петербурга с Великобританией произошло в 1780 году из-за политики Вооружённого морского нейтралитета, объявленной Екатериной II по причине участвовавших грабежей на море в ходе развернувшейся борьбы Северо-американских колоний за независимость и боевых действий англичан с испанцами и французами. Из Кронштадта в Атлантику и в Средиземное море на боевое дежурство выходили балтийские эскадры с целью защищать торговые суда нейтральных государств и «охранять честь флага Российского», после чего испанские и французские торговые корабли – главных противников англичан в тех конфликтах беспрепятственно поставляли в свои порты и морские крепости стратегически важное сырьё, необходимое для поддержания боеспособности военных флотов – строевой лес, железо, пеньку, а также продовольствие и боеприпасы. Поэтому в Лондоне политику Екатерины II **восприняли как направленную** против безопасности Англии, на подрыв её морского могущества и поддержание прямых врагов английской нации; эскалация напряжённости между двумя державами с каждым годом стремительно нарастала.

Положение России на внешнеполитической арене усугубилось и в связи с ухудшением отношений с Пруссией из-за поддержки последней Великобританией. В 1786 году прусский король Фридрих-Вильгельм II заключил наступательный и оборонительный союзы с Турцией и со Швецией, что дало Пруссии перевес на суше, а союз с Англией обеспечивал Фридриху-Вильгельму II превосходство на море. Определяющим фактором враждебности короля по отношению к Петербургу стали тесные династические и родственные узы, связывавшие Пруссию, Англию и

¹Российский государственный исторический архив, далее – РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Л. 244 – 245.

Швецию: Фридрих-Вильгельм II приходился родственником шведскому королю Густаву III, а английская королева, супруга британского монарха Георга III, происходила из владетельного дома Германии герцогства Мекленбург-Стрелицкого. Поэтому Екатерина II большие надежды возлагала на Францию и на другие державы католического блока, однако её замысел относительно формирования четверного союза в составе России, Франции, Австрии и Испании не осуществился, и подписания русско-французского договора не состоялось. Вступая в борьбу со шведами, Екатерина II осталась, по сути, без прочной союзной подпоры, поскольку рассчитывать на одну только Данию не могла.

В Архиве внешней политики Российской империи Историко-документальном Департаменте МИД РФ хранятся документы, сгруппированные в отдельное делопроизводство под названием «Секретнейшие дела (Перлюстрации)». Это перлюстрированная почта и переписка иностранных дипломатов, аккредитованных в Петербурге, Стокгольме, Берлине, Копенгагене, и знакомство с такого рода корреспонденцией позволяло Кабинету Екатерины II узнавать обстановку в европейских столицах, настроения умов власть предержащих, замыслы глав иностранных ведомств и многое другое. В XVIII веке к такому способу получения сведений прибегали все державы, и Россия не являлась исключением: переписку того или иного посланника перехватывали, вскрывали, снимали копию и запечатывали обратно. Подобная процедура не всегда оборачивалась успехом и зачастую при переводе шифрованных писем не удавалось подобрать ключ к цифровому коду. Но те тексты, которые сотрудникам коллегии Иностранных дел удавалось перевести, представляли большую ценность при формировании курса внешней политики, выстраивании отношений с державами, наращивании темпов кораблестроения и усилении морских сил (или наоборот, их снижении), перераспределении финансовых потоков, при составлении планов военных операций и т.д.

Накануне внезапного вторжения шведов на сопредельные с Россией территории – без объявления войны – важные сведения в Зимнем дворце узнавали из перлюстрированной почты шведского посланника в Петербурге барона А.-Г. Нолькена и из поступавшей к нему корреспонденции из Стокгольма. Для Екатерины II, в отличие от короля Густава III, вынашивавшего замыслы нападения на русских, открытие кампании на Балтике стало полной неожиданностью. Воевать со шведами она не планировала и к той войне не готовилась, тем более что никакой откровенной вражды от короля не ощущала. Наоборот, из перлюстрированной

корреспонденции Нолькена явствовало, что Густав III постоянно отсылал ему рескрипты с предписанием выказывать «верную дружбу Ея Императорскому Величеству и Российскому Двору», что Нолькен добросовестно исполнял². Более того, даже в преддверие войны, до конца апреля 1788 года шведский дипломат работал по обычному графику, посещал официальные мероприятия при Дворе, присутствовал на светских раутах и на большом приёме в Зимнем дворце, устроенном Екатериной II 21 апреля по случаю дня своего рождения. Поэтому, как представляется, поведение шведского короля в отношении императрицы можно объяснить завуалированностью его истинных намерений относительно задуманного блицкрига, что ему в полной мере удавалось.

Екатерина II действительно потеряла политическую бдительность. Она не верила в то, что «братец Густав»³ нападёт на неё, называла его безумцем, когда ей докладывали о его планах молниеносного захвата столицы России и уничтожения Балтийского флота (или запереть его в Кронштадте), и продолжала готовить флот и войска к военным действиям с Османской империей, разрыв с которой с каждым годом становился неизбежным. И лишь когда с мая 1788 года из Петербурга в Стокгольм потекли длинные шифрованные реляции Нолькена, Екатерина интуитивно почувствовала опасность. Суть состояла в том, что сотрудники коллегии Иностранных дел так и не смогли подобрать ключи к цифровому коду Нолькена и его стокгольмского руководства, и Екатерине пришлось ограничиться только той перлюстрированной петербургской или стокгольмской почтой, которую отправляли без шифрования.

Лишним доказательством справедливости обвинений в адрес шведского короля об активной подготовке к войне с Россией служили донесения русских и датских офицеров из Стокгольма и Копенгагена. А в мае 1788 года Густав III **направил Нолькenu уведомление о его отставке**, которой Нолькен давно желал, после чего отдал приказ войскам о вторжении в Россию, а флоту о решительных действиях в Финском заливе⁴.

6 июля 1788 года произошло первое крупное сражение российского флота со шведским у острова Гогланд, которое завершилось уходом

²Архив внешней политики Российской империи. далее – АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации). Швеция. 1786 – 1788. Оп. 6 /2. Д. 505. Л. 27 – 27 об., 43 – 43 об.

³Густав III приходился Екатерине II двоюродным братом.

⁴АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела (перлюстрации). Швеция. 1788 год. Оп. 6 /2. Д. 507. Л. 90, 149.

шведов в Свеаборг с большими потерями. Пока Главнокомандующий морскими силами Балтийского флота адмирал С.К. Грейг блокировал шведский флот под Свеаборгом и готовился дать противнику повторное сражение, в Петербург пришло несколько зашифрованных писем от главы российского посольства в Лондоне Семёна Романовича Воронцова. Он предлагал развить военный успех у Голланды, чтобы заключить мир на выгодных условиях, пока Пруссия и Англия не оказали поддержки шведам и объединёнными силами не обрушились на Россию, воспользовавшись её второй войной с турками. С.Р. Воронцов советовал «взять от Швеции если не великое герцогство Финляндское, то по крайней мере четыре важных провинции – Ниланды, Тавасты, Саволак и Шведскую Нагою». Адресуясь к гофмейстеру Двора Е.И.В. графу А.А. Безбородко, Воронцов подчёркивал: «Покой столицы нашей того неотменно требует. Приобретя сии четыре дистрикта, мы, кроме разных городов, получим крепость Ловизу, Гельсингфорс и Свеаборг, то есть два самых наилучших порта Финского залива. Швеция не будет иметь другого пристанища морем, как Або, откуда в будущие войны, если она отважится их предпринять, армия ее должна будет идти сухим, долгим и преголодным путем к нашим границам. Не делайте, ради Бога, другого мира, кроме сего». Нельзя «иметь стыд помириться со шведами, не отняв у них земли и не обезпечив навеки Россию от сих коварных соседей»⁵.

К сожалению, в Петербурге не учли советов опытного дипломата, а дальнейший ход событий подтвердит справедливость его предложений. Осенью 1788 года до Зимнего дворца дошла тревожная информация из Берлина о намерении шведского короля уступить Пруссии часть шведской Померании. Подобным действием Густав III думал оказать важную услугу прусскому королю и заручиться его поддержкой на северо-западе. Фридрих-Вильгельм II, в отличие от своего предшественника короля Фридриха II Великого, занял откровенно враждебную позицию по отношению к Екатерине II, не исключавшую прямое военное вмешательство в её войну со шведами. Также в Зимнем дворце стало достоверно известно о переводе в Швецию из Гамбурга на продолжение военных действий 700 тысяч ефимков⁶.

Но угрожая России прямым военным вмешательством, Фридрих-Вильгельм II одновременно начал зондаж на предмет своего

⁵С.Р. Воронцов – А.А. Безбородко, 29 августа (9 сентября) 1788 года // Русский Архив. 1879. Кн. 1. С. 104.

⁶РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 7. Л. 190.

посредничества («медиации») в примирении Петербурга и Стокгольма с целью склонить императрицу подписать мир со Швецией на условиях довоенного status-quo. Этот вопрос Кабинет Екатерины II рассматривал в сентябре того же, 1788, что отражено в протокольных записях заседания: «Король Прусский ожидает от Двора нашего согласия восстановить мир со Швецией в том составлении вещей, в каком были они до воспоследовавшего разрыва. Намерение таково доказывает явное неуважение к тягости оскорбления, причиненного Ея Императорскому Величеству королем шведским... Какой государь, чувствующий силу, может поступить на такую низость... Еще сия неприличность не столько бы нас трогала, когда бы король прусский ввязался бы только за одну Швецию, но он распространяет свое неистовство и на войну нашу турецкую»⁷.

Иными словами, сотрудники Екатерины II **негодовали**: какое право имел король предлагать такие условия России, которую вот уже на протяжении более двадцати лет «сопровождает великая слава», и ей не подобает принимать подобные условия от такого второстепенного государства как Пруссия. Реакцию государыни на дерзость короля колоритно охарактеризовал историк-международник XIX века А. Трачевский: после подобных предложений, пишет Трачевский, ею «овладело нервное, болезненное настроение, когда Фридрих-Вильгельм вместе с Георгом III гордо предложили ей своё посредничество в войнах с Турцией и со Швецией». Трачевский уверял, что Екатерина II даже воскликнула: «Буде два дурака не уймутся, будем драться!»⁸.

Ведения Россией войны на обоих морях оборачивалось крупными финансовыми затратами, которые осенью 1788 года увеличились из-за позиции Дании, решившей получить от России финансовое вознаграждение за помощь по союзному договору. В Копенгагене вдруг заявили, что окажут императрице «деятельную помощь» в войне со шведами только в случае перевода в Данию от полутора до двух миллионов рублей. На предложение о сделке Екатерина II ответила: первоначально «словесно» пообещать Датскому Двору полмиллиона рублей и посмотреть, какие последуют действия. Если таковые будут конкретными, то перевести в Копенгаген 500 тысяч, а остальные деньги выплачивать поэтапно – в зависимости от выполнения Данией союзных обязательств.

⁷Там же. Л. 192 об. – 193.

⁸*Трачевский А.* Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. СПб., 1877. С. 406 – 407. РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 7. Л. 199 – 202.

Дания всё-таки ввела свои войска на территорию Швеции со стороны Норвегии. 24 сентября 1788 года 12-тысячный датский корпус перешёл границу и двинулся на крупный торговый порт Швеции Гётеборг, но на это последовала угроза прусского короля: в случае дальнейшего продвижения датского корпуса вглубь Швеции он введёт войска в Голштинию. К Пруссии присоединилась Великобритания, когда британский посол в Копенгагене Хьюго Элиот сделал официальное заявление: если датский король не остановит вторжение войск в Швецию, то Дания будет атакована объединёнными силами Англии и Пруссии. После этого энергичный британский дипломат предпринял весьма оригинальную акцию: надев шведский мундир, он прибыл в Гётеборг для поддержки и «ободрения» жителей города. Под дипломатическим давлением Дания вывела войска с территории Швеции.

В конце октября – начале ноября 1788 года статс-секретарь Екатерины II А.В. Храповицкий сделал в дневнике несколько важных записей: «Читая перлюстрацию, удивлялись поступкам Элиота, который, явно вступаясь за шведов, хотел сражаться против датчан, защищая Готенбург. Тут говорено о двуличии короля Прусского... Принц наследный (датский – *Авг.*) пленен англичанами и восхищен прусскою дисциплиною, но прилепился к нам для завоеваний, зная, что при союзе с Англиею и Пруссиею должен будет во всем повиноваться тем Дворам. Инфлюенция Англии велика, и датчане совершенно слабы. Криденер, предвидя общую войну, просит новой инструкции для учреждения поступков своих». Далее шла приписка по-французски: «Вместо того, чтобы заявить себя стороною воюющею, Дания обнаружила такую опасливость в оказании оговоренной помощи, что ее колебание ободрило друзей Швеции к тому, чтобы словесными заявлениями запугать Копенгагенское Министерство до того, что в противность договоров оно заключило перемирие на 8 месяцев и согласилось очистить места, занятые датскими войсками. Такой образ действий лишает всякой надежды на возможность условиться в чем-либо с Двором Датским»⁹.

Тем временем, прусский король продолжал воинственно бряцать оружием и угрожать России в случае её несогласия пойти на мир со шведами на условиях довоенного статус-кво. В осенних реляциях из Берлина посланник Екатерины II С.П. Румянцев докладывал: **король отдал при-**

⁹*Храповицкий А. В.* Дневник. Напечатан с подлинной рукописи секретаря Екатерины II. М., 1902. С. 101, 110, 113, 129. А.И. Криденер – российский посланник в Дании.

каз о походе в Голштинию 19-ти батальонов пехоты и трёх драгунских полков. Мобилизационный приказ получили и 12 тысяч гессенских солдат, которые должны соединиться с этими силами, а в середине ноября из Дрездена к Шлезвигу двинулись артиллерийские роты¹⁰.

Третьего января нового 1789 года Екатерине II доставили депешу посла в Польше графа О.М. Штакельберга: английский посол в Варшаве Хэйлис сделал громкое заявление: «Флот английский придет в Балтику»¹¹. В Зимнем дворце новость из польской столицы встретили с явной растерянностью. На тот период британский королевский флот считался одним из сильнейших в Европе, а его командный и личный состав приобрели практический и боевой опыт ведения операций на море в продолжительной войне с французами. В случае неблагоприятного развития событий Россия не могла выставить силы, равные мощному соединённому англо-шведскому флоту. Хотя, безусловно, в истории войн на море происходили случаи, когда командующие флотами, располагая меньшими силами, успешно отражали нападение противника и даже побеждали его.

Положение русских осложнялось разделением сил Балтийского флота: в Ревеле (Таллине) находилось десять линейных кораблей, из них один 100-пушечный, в Кронштадте шесть, в Дании на рейде Копенгагена стояло 11 кораблей, из них три 100-пушечного ранга. Вскоре Кронштадтскую эскадру усилили двумя кораблями 100-пушечного ранга, девять кораблей срочно ремонтировали, чтобы успеть к навигации, а в ходе постройке на балтийских верфях Петербурга, Кронштадта и Архангельска числилось восемь линейных кораблей со 100, 74 и 66-ю орудиями¹².

Исходя из неравенства с реальным и вероятным противником, Екатерина II **предприняла ряд политических мер для предотвращения грозившей государству опасности.** Ещё в осенних (за 1788 год) депешах глава российской миссии в Лондоне С.Р. Воронцов докладывал о намечавшихся в Англии кардинальных внутривнутриполитических переменах. Так, в депеше от 30 ноября Воронцов сообщил о тяжёлой болезни короля Георга III («умоповреждении»), и Екатерина II незамедлительно направила Семёну Романовичу рескрипт о его дальнейших действиях. К рескрипту она приложила собственноручное письмо, которое просила передать «людям из патриотов». **Досадуя на короля Георга III за слепое повиновение Прус-**

¹⁰РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 7. Л. 308 об.

¹¹РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

¹²Российский государственный архив Военно-морского флота, далее – РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 372. Л. 5 – 5 об.

сии и называя «Лондонский Двор вторым в системе Берлинского Двора», Екатерина вопрошала: «Чего ждет себе Англия, стоя за наших врагов? На их поддержку она истратит лишь свои сокровища, а выгоду получит не она, а Франция. Англия, если не остережется, будет еще раз увлечена прихотями и мечтаниями Потсдамского Кабинета, руководимого с одной стороны человеком необузданных предначертаний, без задержки, веры и закона, а с другой полоумными энтузиастами». В конце письма Екатерина II **говорила о «настоящих английских патриотах», о том, что рассчитывала на них, а заодно и на «здравые головы и значительные семейства Англии», которые дадут правильные советы наследнику британского престола принцу Валлийскому**¹³.

Императрица поручала С.Р. Воронцову сблизиться с влиятельными людьми, близкими к правительственным и придворным кругам, и разъяснять им пагубность намерений Англии относительно планов вторжения в Балтику. Екатерина не случайно указала на принца Валлийского, поскольку в отличие от своего отца – Георга III, **матери-королевы, премьер-министра Пита** и других сторонников антироссийского курса наследный принц оставался противником войны с Россией. Поручая Воронцову столь непростое и ответственное дело, Екатерина II, **несомненно, понимала, что англичане продолжали негодовать на неё из-за политики «Вооружённого нейтралитета», отголоски которой она теперь ощущала в полной мере.** Но Екатерина по-прежнему думала, что, провозглашая «Нейтралитет», она поступала правильно и сожалеет о ссоре двух держав. Ранее адресуясь к Воронцову, она поясняла: «Поведение Наше, однако ж, было дружественное, и Мы ничего столько не желали, как чтоб война тогдашняя не к изнурению и упадку Англии послужила, но с лучшими выгодами для нее окончилась»¹⁴.

В письмах Воронцову Екатерина II большие надежды возлагала на будущего короля и не скрывала, что теперь в руках Англии оказалась судьба России: «От доброго расположения Англии зависит восстановить с Нами прежнюю искреннюю дружбу и согласие, обновить торго-

¹³Екатерина II – С.Р. Воронцову, 8 декабря 1788 года: АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 388. Л. 12 об., 14 об. – 15 об., 17 об.; Екатерина II – С.Р. Воронцову, 9 декабря 1788 года // Русский Архив. 1879. Кн. 1. С. 149.

¹⁴Екатерина II – С.Р. Воронцову, 3 января 1788 года: АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 388. Л. 4 об. – 5.

вую связь и положить основание к теснейшему сближению»¹⁵. Екатерина поручала своему представителю «употребить старание» на предмет того, чтобы из Константинополя и Копенгагена были отозваны британские послы Р. Энсли и Х. Элиот, которые активно разжигали там ненависть к России. И Воронцов делал всё от него зависящее: встречался с оппозиционно настроенными политическими лидерами, с влиятельными членами парламента, с представителями известных семейств Великобритании. Одним из таких людей был лидер парламентской оппозиции и претендент на пост премьер-министра при новом короле Чарльз Фокс, который в начале 1780-х годов возглавлял британский МИД. Воронцов находился с ним в дружеских отношениях и после получения высочайшего рескрипта немедленно выехал к нему. Семён Романович сообщил Фоксу о намерении Петербурга соблюдать принципы «взаимной и естественной» пользы двух стран и возобновить с Англией торговый трактат и «доброе согласие». В реляции императрице Воронцов подчёркивал: Чарльз Фокс «весьма обрадовался, услышав сие, и отвечал мне: "Теперь, я надеюсь, мы можем сближиться и, если б сие было б зделано прежде, никто б не в состоянии был поссорить наши отечества. Что касается до правил вооруженного нейтралитета – сии правила поссорили нас так, что не один Двор, но и вся аглицкая нация с прискорбием чувствовала сию обиду. А что сие была нам обида, то ничто так не доказывает, как тогдашняя радость Франции и хвастовства графа Вержена, который везде уверял, что он был первый творец оных"»¹⁶.

В конце встречи Фокс выразил надежду на то, что Екатерина II «как прозорливая государыня» в ближайшем будущем уничтожит правила «Нейтралитета», и сообщил о разговоре короля с премьер-министром У. Питом. Пит приезжал к Георгу III **недели за две до «сумасшествия» короля**, и по вопросу вероятной войны с Россией Георг сказал ему следующее: «Я очень болен, мне надобно несколько покою, и я не в состоянии теперь работать. Но между тем повторяю вам то, что уже неоднократно вам говорил: "Берегитесь, чтоб не втащить Англию в войну. И если то случиться, то вы будете отвечать перед нацией"»¹⁷.

¹⁵Екатерина II – С.Р. Воронцову, 8 декабря 1788 года: АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 388. Л. 16 об.

¹⁶С.Р. Воронцов – Екатерине II, 19 (30) января 1789 года: АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 400. Л. 31 – 31 об. **Граф Ш.-Г. Верженн – министр иностранных дел Франции.**

¹⁷ Там же. Л. 37 – 37 об.

Но весной 1789 года зашифрованной депешей Воронцов сообщил о выздоровлении Георга III и о том, что прусская партия вновь возоблудала. «Настоящее положение дел здесь не то уже, как казалось в последних числах января, – докладывал он. – Господин Пит сильно привязан к системе Двора Берлинского, и как он приобрел великую власть над своим государем, то ничего от него полезного для России ожидать не можно». Несмотря на усилия Воронцова, воинственно настроенные политические и государственные деятели в очередной раз принялись обвинять Россию в развязывании «Вооружённого Нейтралитета». Эта политика, ввели они, нанесла непоправимый моральный и экономический ущерб Англии, и Воронцов с горечью констатировал: злоба и ненависть английской нации к России настолько сильна, что даже оппозиции, «всегда готовой порочить Министерство», всё труднее становится «винить правление за связь с Пруссией»¹⁸.

Обстановка в британской столице накалялась, эскалация ненависти к России росла как снежный ком, всюду звучали призывы наказать русских, направить сильный королевский флот в Балтику на подмогу шведам. Сообщал Воронцов и о трудностях в переговорах с влиятельными людьми и об опасениях по поводу того, сумеет ли Лондон «удержать стремления своих министров против России в Турции, Швеции, Польше и Дании». Воронцов неутешительно подытожил: «Пока господин Пит, ослепленный Пруссией, пребудет первым здесь министром, и пока король останется в опеке своей супруги, преданной совершенно Двору Берлинскому, России ничего полезного от Англии ожидать не можно»¹⁹.

Между тем наступил 1790 год – решающий в кампании со шведами. В распоряжение Главнокомандующего Балтийским флотом адмирала В.Я. Чичагова поступили значительные морские силы, боевым ядром которой стали 20 линейных кораблей, из них семь 100-пушечного ранга. По силе выбрасываемого металла в снарядах у Чичагова имелось превосходство над противником, поскольку шведы 100-пушечных кораблей не строили, но он не воспользовался своим преимуществом. Британские же правительственные и военные верхи не оставляли планов вторжения королевского флота в Балтику, чтобы соединёнными со Швецией силами окончательно разгромить русских, и можно думать, что они не сделали

¹⁸С.Р. Воронцов – Екатерине II, 3 (14) апреля 1789 года: АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 400. Л. 44, 46 а – 46 б.

¹⁹АВПРИ. Ф. 35. Оп. 35/6. Д. 400. Л. 57.

этого весной 1790 года по той причине, что получили хорошее для них известие.

Просматривая перлюстрированную почту, Екатерина II прочитала письмо секретаря британского посольства в Стокгольме Листона своему соотечественнику – английскому посланнику в Петербурге Чарльзу Уитворту от 12 марта 1790 года. Листон, сокрушаясь по поводу вялотекущих действий и «гибельных от этого следствиях большого флота» шведов, всё же выражал надежду на предстоящую кампанию. Он пишет, что подвоз продовольствия к шведской армии теперь налажен, потому как коммуникация к побережью Финляндии «довольно обеспечена от нападения флота» русских. И это высказывание английского дипломата лишь подтверждает бездействие адмирала В.Я. Чичагова, который не выполнял высочайших указов о недопущении шведов в Финский залив, равно как и просьб командующего армией генерала И.П. Салтыкова о нарушении коммуникаций противника судами флота и о защите подступов к Фридрихсгаму²⁰.

Далее Листон поведал о трудностях, которые испытывал главнокомандующий шведским флотом герцог Зюдерманландский из-за того, что «зараза истребила до трети экипажа морских служителей», поэтому ему неизбежно придётся силы «подкреплять иностранными матросами»²¹. Поэтому, важно отметить, что накануне решающей кампании 1790 года в Петербурге знали об этом обстоятельстве, но В.Я. Чичагов не воспользовался уязвимым моментом во флоте противника.

Незадолго до финального сражения под Выборгом Екатерине II доставили перлюстрированные донесения британского посланника в Петербурге Чарльза Уитворта в Лондон. Так, в письме от 14 (25) мая 1790 года Уитворт ратовал за скорейшее нападение Пруссии на Россию, пока настал благоприятный к тому момент: если «король Прусский двинет войска против России, то и мы вскоре вмешаемся в игру». Уитворт рас-

²⁰АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела. Перлюстрации. Оп. 6/2. Англия. 1790 год. Д. 67. Л. 10 – 15 об. Подробнее о событиях под Фридрихсгамом и под Выборгом см: *Гребенищикова Г.А.* Военное противостояние России и Швеции под Выборгом в 1790 году // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 114 – 134. *Гребенищикова Г.А.* «Странно и непостижимо для меня, что Адмирал Чичагов не идет ко мне на помощь // Санкт-Петербург и Страны Северной Европы. 2018. № 19 (1). С. 159 – 189.

²¹АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела. Перлюстрации. Оп. 6/2. Англия. 1790 год. Д. 67. Л. 10 – 15 об.

суждал: в будущих операциях королю следует «быть решительным» и разбить неприятеля, «тем более, что сим выигрывает неоспоримое преимущество». Хотя шведский флот и состоит из 24 линейных кораблей, но «по другим причинам должно почитать оный гораздо слабейшим», а «нападение короля шведского на Фридрихсгам лишило бодрости его врагов». Так что время для совместных действий на Балтике, по мнению Уитворта, представлялось вполне благоприятным²².

В июне 1790 года шведский флот оказался запертым в Выборгской губе, и при наличии у адмирала В.Я. Чичагова решительного намерения разгромить противника положение шведов представлялось не просто критическим, а безнадежным, и только чудо могло спасти их. Это признавали и сами шведы, и их «опекуны» англичане, что отражено в перлюстрированной корреспонденции Чарльза Уитворта в Лондон. В письме от 28 мая (8 июня) 1790 года он прямо об этом пишет: «Шведский флот стал теперь в таком месте, что ему весьма опасно будет отступать. Он находится в шхерах в устье Выборгской губы, где блокирован соединенными флотами Ревельским и Кронштадтским. Мы ожидаем с нетерпеливостью решения сего дела, от которого, если шведы избегнут, то должно благодарить более щастие, нежели благоразумие»²³. И счастье оказалось на стороне шведов – их парусно-гребной флот вместе с королём Густавом III фактически целым и невредимым вышел из узкой губы.

В ходе кампании россиян со шведами в 1788 – 1790 годах вооружённого вмешательства на Балтике Англии и Пруссии не произошло благодаря усилиям российской дипломатии в Лондоне и Берлине. 3 (14) августа 1790 года представители России и Швеции подписали в Вереле мирный договор на условиях довоенного status-quo, как того требовали Англия и Пруссия. Россия не получила ни пяди земли, ни рубля контрибуции, ни каких-либо других территориальных или денежных приобретений, и такое положение дел представляло собой нонсенс, если держава считалась вышедшей из войны победительницей. Дореволюционный историк К.К. Злобин, занимавшийся вопросами присоединения Финляндии к Российской империи, оценивая итоги войны, коротко подытожил: Густав III «успел кончить эту войну миром в Вереле, на основании status quo, и это, без сомнения, много, если сравнить обоюдные силы России и Швеции.

²²АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела. Перлюстрации. Оп. 6/2. Англия. 1790 год. Д. 63. Л. 81, 85 – 87 об., 120.

²³Там же. Л. 124.

Этого урока мы не должны забывать»²⁴. Екатерина II согласилась на унизительный мир со шведами, чтобы завершить кампанию на Балтике и перераспределив силы и ресурсы, сосредоточиться на разгроме турок на Чёрном море.

В январе 1791 года в Петербурге узнали, что британский МИД намерен направить «в помощники посланнику Чарльзу Уитворту» Хьюго Элиота – того экстравагантного дипломата, который, будучи послом в Копенгагене, выезжал в Гётеборг, надевал шведский военный мундир и энергично призывал шведов на продолжение кампании. Возмущение Екатерины II столь одиозным назначением разделили члены её Кабинета и вынесли вердикт: «Пребывание здесь сего человека, который оказал непристойную отважность и неблагонамеренность» к России, нежелательно. Английский король Георг III уважил протест Петербурга и вместо Элиота направил другого уполномоченного – Уильяма Фаукнера.

В марте того же, 1791, года Георг III обратился к парламенту с посланием, в котором запрашивал дополнительных ассигнований на флот – для «поддержания равновесия в Европе» и получил на это согласие. А непримиримый противник России премьер-министр Уильям Питт-младший под предлогом теперь уже «спасения Оттоманской империи от гибели» – вместо Швеции – добился вооружения 36 линейных кораблей и 12 фрегатов, которым назначалось следовать в Балтийское море для демонстрации силы. Посланник С.Р. Воронцов докладывал из Лондона: «Я несколько раз объяснялся с ним со всею смелостию человека, желающего предотвратить несправедливую войну, одинаково пагубную для обеих сторон». Но Питт отвечал «уклончиво и ничего не значащими фразами», и тогда Воронцов обратился к статс-секретарю МИД герцогу Лидскому, к членам нижней палаты и к представителям оппозиции, объясняя им «несправедливость предложенных мер, огромные расходы, которые они повлекут за собой и вред от прекращения торговли с нами, столь необходимой для Англии». Все обещали Воронцову «свою поддержку»²⁵.

Стоит отметить, что английские вооружения не сломили Екатерину II. Она осталась верна своему царственному кредо, которому твёрдо следовала с момента вступления на престол: ни при каких обстоятельствах не терять достоинства России и не идти ни на какие уступки великим державам в ущерб её интересам. По поводу англичан, рвущихся на Бал-

²⁴Цит. по: Сборник Русского Императорского Исторического Общества. Т. 2. С. 66.

²⁵Русский Архив. 1876. Кн. 1. С. 47.

тику и угрожавших бомбардировками Кронштадта и других портов, Екатерина II даже находила в себе силы шутить: «Пива и портера не будет», а по приезду Фаукнера в Петербург обратилась к нему с письмом, в котором вежливо и достойно донесла до него простую мысль: она никогда ни на кого никогда не нападала, в её сердце нет места ненависти и жажды войны, но если его король решится перейти от угроз к действию, то защититься она сумеет. Закончила письмо Екатерина словами: «Я боюсь Бога, любезный Фаукнер, а больше никого не боюсь»²⁶.

И всё же, на случай вторжения английского флота Петербург принимал действенные меры. В делопроизводственной канцелярии вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа И.Г. Чернышева хранятся секретные письма Главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала П.И. Пущина по вопросам обороны столицы и Кронштадта. Так, в письме от 10 апреля 1791 года Пущин доложил о приведении в оборонительное состояние всех батарей и «земляных крепостей», о вооружении 17-ти кораблей, четырёх фрегатов и трёх бомбардирских судов и о том, что некоторые суда старой постройки он рассчитывает применить в качестве брандвахтенных «в северный фарватер». «В разсуждении приготовления печей к калению ядер, – уточнял Пущин, – я приступил с возможною поспешностию и уповаю непродолжительно все изготовить. На место офицеров из аглинской нации из капитанов можем набрать с оставшихся в порте кораблей. Есть ли предполагать можно, что с англичанами будем иметь дело, то я осмеливаюсь предложить мое мнение, чтоб находящихся в Кронштате оной нации офицеров, под каким либо предлогом, ныне же из Кронштата выслать, дабы они не могли иметь ни малейшего сведения о делаемых внутренно распоряжениях. Сверх того почитаю, что если и придет Аглицкой флот, то не на крепости устремит свое внимание, а конечно сделает десант. Батареи же, построенные господином Прево, пришли несколько в ослабление и некоторые осыпались. Печи для каления ядер от мокроты размыло и развалились, на последних к крепости реданах и батареях многих пушек нет и прежде поставлены не были, а в людях как в артиллерийских, так и в армейских совершенный недостаток»²⁷.

Докладывая о вооружении 17-ти линейных кораблей, Пущин имел в виду их удовлетворительное техническое состояние. В ходе кампании

²⁶Цит. по: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами. Т. 9 – 10. Трактаты с Англиею. СПб, 1880 – 1882. С. 349.

²⁷РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 377. Л. 1 об.

большую часть боевого ядра флота Главногокомандующий В.Я. Чичагов по прямому назначению не задействовал, особенно в Выборгском сражении, поэтому ремонта требовало лишь незначительное число кораблей, наиболее пострадавших в сражениях на ближних дистанциях. Особенно ремонт был необходим кораблям 100-пушечного ранга «Дву-на-Десять Апостолов» и «Иоанн Креститель (Чесма)», что подтверждает подробная дефектная ведомость, составленная в январе 1791 года. В той ведомости расписаны виды ремонтных работ по каждому кораблю и фрегату в портах Ревеля и Кронштадта, указано количество строевого леса на замену повреждённых частей в корпусе и рангоуте, и обозначено количество работников на каждый корабль и фрегат для проведения ремонтно-восстановительных работ²⁸.

Важно подчеркнуть, что дефектная ведомость вовсе не означала неблагополучия на флоте – составление дефектных ведомостей являлось обычной практикой в эпоху парусных флотов, когда после завершения практической или боевой кампании флот возвращался в порт. Каждый командир корабля или фрегата был обязан представить ведомость с указанием повреждённых от выстрелов или от гнили деревянных частей набора, а корабельный мастер на основании полученных данных определял, сколько для корабля или фрегата понадобится здорового дерева.

Сообщая об английских офицерах, которых при необходимости можно будет выслать из Кронштадта, П.И. Пущин, имел в виду следующее. В связи с угрозами вторжения королевского флота в Балтику перед морским начальством возник непростой вопрос – как поступить с английскими офицерами. Многие из них много лет честно служили России, хорошо зарекомендовали себя как храбрые боевые офицеры в ходе сражений со шведами, а теперь Лондон угрожает России войной, и на такие действия надо реагировать. Согласно представленной П.И. Пуциным ведомости, в Кронштадте находилось 14 английских офицеров, из них трое командиров кораблей: «Принца Густава» (Ф. Тизигер), «Всеслава» (Д. Престон) и «Мечеслава» (Дж. Перри). Пущин – по возможности деликатно – вышел из затруднительного положения. Он прямо попросил офицеров правильно понять его приказы об их замене: вместо Ф. Тизигера он назначил Ф. Палицына, вместо Престона – П. Лялина, вместо Перри – А. Бардукова.

Для защиты Кронштадтского рейда выставили бомбардирские корабли, прамы и канонерские лодки, которые «особливо нужны около крепо-

²⁸РГАВМФ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 250.

стей Кроншлота и цитадели». На тот период в Кронштадтской крепости «разных калибров пушек» числилось 165, гаубиц – 10, дробовиков – 2, мортир – 22, а всего – 199, но по подсчётам Пушина, для удержания обороны Кроншлота, цитадели, военной, средней и купеческой гаваней требовалось не менее 400 артиллерийских орудий. Поэтому, пока не отлили дополнительные пушки, Пётр Иванович предложил коллегии применять калёные ядра: «Печи для раскаливания ядер я назначил сделать прочные и лучшей работы в купеческой гавани, в Кроншлоте и в цитадели по две, которых число кажется будет и довольно»²⁹. К концу апреля – началу мая Кронштадт привели в прочное оборонительное состояние и приняли меры к недопущению высадки десанта, а также пополнили личный состав артиллерийских и армейских чинов. Пушин доложил: Кронштадт неприступен и хорошо защищён; на рейд выведено более сорока судов, из них пять 100-пушечных кораблей, девять 74-х, пять 66-ти; четыре фрегата, три бомбардирских и четыре брандера³⁰.

14 июня 1791 года новый представитель короля Георга III в Петербурге Уильям Фаукнер получил известие из Лондона: «Флот немедленно отправится на рейд Лита (в Шотландии – Г.Г.) и будет ожидать там дальнейших повелений, продолжать ли ему путь в Балтийское море, или нет»³¹. Русские моряки-балтийцы готовились дать вооружённый отпор, однако король не отдал приказ флоту следовать в Балтику. В те напряжённые дни российское посольство в Лондоне принимало посильные меры по предотвращению войны: сотрудники посольства работали с утра до поздней ночи, а иногда и совсем без сна, готовили статьи для центральных газет, писали прокламации, брошюры и листовки с обращениями к нации о недальновидной политике правительства Георга III, толкающего народ к войне, призывали не воевать «за чуждые простому народу интересы». Основными аргументами против войны дипломаты выдвигали разрушение торговли и экономики, увеличение налогообложения податного населения Англии и рост дороговизны продуктов питания. Листовки распространяли на улицах, в кафе, расклеивали на стенах домов, раздавали в людных местах, в парках и скверах. Большинство простых британцев сочувствовало таким призывам, а на домах стала появляться одна и та же надпись, сделанная мелом крупными буквами: «Не

²⁹РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 377. Л. 3 об.

³⁰Там же. Л. 25, 71.

³¹АВПРИ. Ф. 6. Секретнейшие дела. Перлюстрации. Оп. 6/2. Англия. 1791. Д. 68. Л. 37.

хотим войны с Россией»³². Вскоре антивоенные митинги прошли во всех крупных промышленных городах и центрах Англии – Нориче, Лидсе, Манчестере и др., где организаторы собирали подписи под обращением к королю и парламенту.

В 1791 году после завершения кампании со Швецией совместными усилиями британской оппозиции, её лидера Чарльза Фокса и сотрудников российского посольства в Лондоне во главе с С.Р. Воронцовым военное столкновение между Россией и Англией на Балтике было предотвращено.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Golovachjov V. F. *Dejstvija russkogo flota v vojne so shvedami v 1788 – 1790 godah* [*Actions of the Russian fleet in the war with the Swedes in 1788–1790*]. Т. 1. Saint-Petersburg: Тип. Морского министерства, 1871. 290 p.

Головачёв В.Ф. Действия русского флота в войне со шведами в 1788 – 1790 годах. Т. 1. СПб: Тип. Морского министерства, 1871. 290 с.

Martens F.F. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchjonnyh Rossieju s inostrannymi derzhavami*. Т. 9 – 10. *Traktaty s Anglieju* [*Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers*. Т. 9–10. *Treatises with England*]. Saint-Petersburg: Тип. Министерства путей сообщения, 1880 – 1882. 563 p.

Мартенс Ф.Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами*. Т. 9 – 10. *Трактаты с Англиею*. СПб: Тип. Министерства путей сообщения. 1880 – 1882. 563 с.

Russkij Arhiv. 1876. Saint-Petersburg: Тип. Grachjova. Кн. 1. 136 p.

Русский Архив. 1876. СПб: Тип. Грачёва. Кн. 1. 136 с.

Sbornik Russkogo Imperatorskogo Istoricheskogo Obshhestva [*Collection of the Russian Imperial Historical Society*]. Т. 2. Saint-Petersburg: Тип. Imperatorskoj Akademii Nauk, 1868. 450 p.

Сборник Русского Императорского Исторического Общества. Т. 2. СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1868. 450 с.

³²Русский Архив. 1876. Кн. 1. С. 49.